

«Меня преследуют в России»

ОПАЛЬНЫЙ СВЯЩЕННИК ГЛЕБ ГРОЗОВСКИЙ ОБОСНОВЫВАЕТ СВОЕ ЖЕЛАНИЕ СТАТЬ ГРАЖДАНИНОМ ИЗРАИЛЯ

Глеб Грозовский, обвиненный осенью прошлого года в педофилии и объявленный в международный розыск, снова попал в новости. На днях он заявил, что решил стать гражданином Израиля.

Эта мера, как заявил сам Грозовский, позволит ему получить израильский паспорт и гарантию того, что государство не выдаст его в другую страну. Основанием для получения гражданства стало еврейское происхождение священника. В интервью израильским СМИ (<http://9tv.co.il/news/2014/05/03/174679.html>) Глеб Грозовский заявляет: «Я действительно имею право воспользоваться законом о возвращении государства Израиль, поскольку мой дедушка — еврей... Мне и в голову не пришло бы просить статуса, но раз у нас в стране тысячи невинно сидящих в местах лишения свободы людей, то быть одним из невинно осужденных, оставить семью без отца — не имею морального права! Мало того, по закону о возвращении я не должен быть христианином, а я им был, являюсь и умру православным! Только сейчас мы смогли развернуть активную защиту моего имени, чести и достоинства. Теперь мы готовы предоставить вам доказательства невинности и преследования меня и моей семьи в России».

Глеб Грозовский решил доказать, что его целенаправленно преследуют в России за убеждения и активную позицию. На своей странице в социальных сетях он объявил, что «начинает публикацию разоблачающих его недругов материалов», что у него имеются документы и аудиозаписи, компрометирующие его «заказчиков». Кроме того, Грозовский намекает, что его недруги находятся в лоне церкви, некоторые представители которой завидовали его талантам и способностям: «Вот и у меня вопрос: кому я нужен? Ну, перспективный, креативный или еще какой там. Ну кому какое дело? Ведь надо радоваться, что человеку Бог таланты дал и он их раскрывает, отдаваясь полностью на служение ближнему. Где радость? ...Выходит, что причиной всему, что произошло со мной, — элементарная человеческая зависть».

Бывший клирик Царскосельского благочиния заявляет, что сейчас к выходу в эфир на израильском ТВ готовится некий документальный фильм, разоблачающий его врагов и «заказчиков», а также «наркотрафик» и людей, «стоящих за распределением государственных и частных средств между ними и существующим в Ленинградской области единственным реабилитационным центром наркозависимых».

Глеб Грозовский и люди, за ним стоящие, похоже, провоцируют новый виток интереса к делу священника, анонсируя будущие «разоблачения» и «сенсации».

За комментариями мы решили обратиться к члену Общественного совета Балтийской медиа-группы, настоятелю Софийского храма в Царском Селе протоиерею Геннадию (Звереву), под началом которого несколько лет служил Глеб Грозовский.

Протоиерей Геннадий ЗВЕРЕВ: Он просто запутался

— Сфабрикованное недругами церкви так называемое дело Глеба Грозовского, очевидно, не принесло тех результатов, на которые они рассчитывали. Люди просто не поверили откровенной лжи авторов и заказчиков этого дела. В бессильной злобе сейчас те же недруги Русской православной церкви по-прежнему пытаются выжать максимум из всей этой истории. Думаю, что отец Глеб и сам не заметил, как его же руками сгребают в кучу остатки грязи, чтобы кинуть ее в церковь, в клир и в прихожан.

Иначе чем объяснить, что отец Глеб в результате долгих сомнений и колебаний, после стольких месяцев нерешительности и многословия в социальных сетях «решил», что в его мытарствах виноваты... самые близкие ему люди? Те, кто многие годы участвовал в его жизни. Кто словом и делом помогал ему становиться тем, кем он стал. Кто сделал все возможное, чтобы помочь ему в той беде, в которую он поневоле попал, будучи огульно обвиненным в грязном преступлении. Сейчас отец Глеб в своих метаниях заблудился и, наслушавшись советчиков, допускает очередную ошибку. Ошибка эта в том, что виноватых он нашел в своем родном благочинии, где он, собственно, и стал священником, где живут и молятся за него его сродники по вере. Последствиями этой ошибки, уверен, не преминут воспользоваться недруги церкви. Отцу ли Глебу не знать, сколько недоброжелательства, а порой и откровенной злобы мы претерпеваем в еженощной пастырской и приходской жизни.

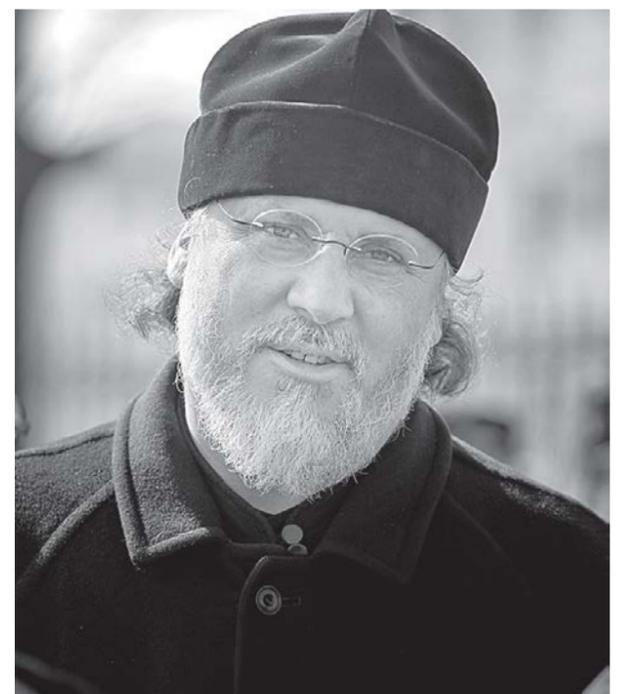
Я прочитал то, что в последние дни вышло из-под пера отца Глеба. Сожаление овладело мной, когда я узнал, что он, снова и снова возвращаясь к подробностям своего «дела», совершает новые умозаключения о якобы имевшем место моем «благословении» маленькой девочке,

внучке нашей приходской работницы, на то, чтобы «она дала показания против отца Глеба». О каком благословении ребенка может идти речь, если рядом с девочкой всегда оставались и остаются кровные родители, убитые горем от произошедшего? Разве девочка могла совершить столь серьезный поступок без ведома родителей? Почему же ни тогда, когда история только начиналась, ни потом, когда она получила развитие, отец Глеб не счел возможным сам обратиться к родителям детей, фигурировавших в этом «деле» как потерпевшие?

С самого начала меня удивила некая беспечность молодого священника. Даже тогда, когда стало очевидным, что против него готовится обвинение, отец Глеб отнесся к угрозе быть обвиненным в грязном преступлении словно к какому-то «занятому приключению». Словно забыв о том, сколь много желающих очернить служителей церкви расплодилось в последнее время.

Нам ли, священникам Царскосельского благочиния, регулярно несущим послушания в тюремных храмах, не знать о том, каковы бывают правила уголовного мира, и о том, что там происходит с людьми при подобных обвинениях. Возможно, именно поэтому я позволил себе в резкой форме обрисовать отцу Глебу перспективу его дела в случае, если он будет бездействовать и благодушествовать.

С удивлением и досадой узнал, что в то время, как я по-отечески эмоционально выговаривал отцу Глебу за его беспечность и рисовал картины возможного будущего, он не нашел ничего умнее, как производить тайную запись нашего разговора. И теперь, спустя многие месяцы, заявляет, что готов опубликовать этот глубоко личный разговор. Я задаю себе и ему вопрос: зачем? Не

нахожу в качестве ответа другого слова, как провокация. Потому что кроме этого отец Глеб, как он сам признается, собирал другие «свидетельства» «злонамеренности» тех, кто окружал его в нашем благочинии. Ему понадобились «показания» явных болящих, нечистых на руку бывших дьяконов, изгнанных из нашего прихода за мошенничество и плутовство... Весь этот сор отец Глеб собирает, чтобы защитить себя? Зачем ему это нужно? Ведь для всех совершенно очевидно, что такая защита самого себя только навредит как Глебу, так и репутации нашего благочиния и всей православной церкви, которая не перестает молиться за свое чадо, оказавшееся по навету в трудном положении.

Я верю в невинность отца Глеба, но искренне не понимаю его поведения.

Подготовил Иннокентий ВНЕШНИЙ